

И. А. ЗАВАДСКАЯ

**ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
НА ГОРОДИЩЕ ТЕПСЕНЬ
(о кафедральном храме Фульской епархии)**

Фулы (Фуллы) и Фульская епархия, несмотря на неутомимые поиски нескольких поколений исследователей средневекового Крыма, все еще являются «историко-географической загадкой», оставленной нам целым рядом письменных источников – двумя Житиями и многочисленными епархиальными списками Константинопольского патриархата.

В Житии Иоанна Готского Фулы упомянуты как место, где находилась темница, в которую епископ Иоанн был заключен после подавления антихазарского восстания в крепости Дорос в 80-х гг. VIII в. Находясь там, он через обряд крещения излечил дитя «владельца (господина) этих самых Фул», и оттуда ему удалось бежать в Амастриду [21, с. 396-427; 74, р. 69-85].

В Пространном (Паннонском) Житии св. Константина-Кирилла Философа упоминается «народ фульский», который поклонялся большому дубу, срощемуся с черешней. Константин Философ во время своего пребывания в Крыму в 861 г., «не пожалев трудов», пришел к этому народу и помог ему избавиться от нечестивого обряда, уговорив срубить и сжечь дерево [62, с. 56].

Фулы и Харасиу (Черная вода), вблизи которых находился епископ хотциров (хозиров), указаны в схолии к разделу 37 нотиции де Боора (нотиция 3, по Дж. Дарузэ), составленной, скорее всего, в самом начале IX в. [20, с. 211-212; 76, р. 245; 3, с. 206-207; 82, р. 224; 64, с. 425-427].

Впервые самостоятельная Фульская епархия в числе других крымских архиепископий появляется в нотиции 7, инициатором которой был патриарх Николай Мистик [76, р. 74, 273-274]. Датировка данного списка временем его первого патриаршества (901-907) недавно пересмотрена К. Цукерманом, доказавшим наибольшую вероятность появления нотиции не ранее лета 920 г., когда Николай Мистик занимал Константинопольскую кафедру повторно (912-925) [82, р. 218-226; 64, с. 419-427]. Фульская архиепископия фигурирует в списках Константинопольского патриархата до середины XII в. [76, р. 294, 346, 352, 377, 385, 389]. Впоследствии в источниках упоминается Сугдо-Фульская епархия, возведенная в 1156 г. в ранг митрополии.

С 1616 г. появляется Кафо-Фульская митрополия, которая в 1678 г. была присоединена к Готской и получила название Готско-Кафской митрополии. С тех пор имя Фульской епархии более не упоминалось в исторических документах [16, с. 50-58; 37, с. 203; 40, с. 23-24].

Таким образом, Фулы и Фульская епархия занимают важное место в средневековой истории Крыма. Однако до сих пор ученые не пришли к единому ответу на вопрос – где же находились Фулы? Необходимость поиска разгадки вполне очевидна. Без точной локализации центра одной из шести крымских средневековых епархий достоверная реконструкция церковно-административной карты полуострова, а, следовательно, и всей церковной истории Крыма IX-XVII вв. практически невозможна.

Отсутствие в имеющихся источниках точного указания местонахождения Фул породило большое количество предположений. В историографии названо уже около 20 крымских памятников, которые, по мнению разных исследователей, могли быть средневековыми Фулами [наиболее полные обзоры: 38, с. 194-196; 16, с. 66-67; 37, с. 199-201; 39, с. 133-137; 40, с. 11-17; 58, с. 71-72]. Поиски велись, главным образом, в трех регионах: в Горном Крыму (Чуфут-Кале, Бакла, Эски-Кермен, Кыз-Кермен), на Южном берегу (Рускофиль-кале, Кастропуло, Партенит, окрестности Ливадии, Ореанды, Аутки, Фуна) и в Юго-Восточном Крыму (Карасубазар, Солхат, Отуз, Коктебель, Тепсень). Подавляющее большинство высказанных версий, не имея каких-либо серьезных оснований, давно уже перешло в разряд историографического курьеза. В начале нынешнего века список вероятных Фул пополнили еще два памятника, на которых фиксируются остатки салтово-маяцкой культуры: скифское городище у с. Вишенное близ Белогорска [47, с. 118-120] и средневековое поселение у подножья Загайтанской скалы в районе Инкермана [58, с. 75-79]. Оба предположения не имеют каких-либо весомых аргументов и обоснований, их детальный разбор не входит в задачу настоящей работы. К тому же некоторые справедливые критические замечания в их адрес уже были высказаны [40, с. 14-16]. Следует лишь добавить, что епархиальный центр, каким были Фулы, немислим без храмов, остатки которых на указанных памятниках не обнаружены. Пещерные церкви на Загайтанской скале появляются в значительно более поздний период [45, с. 21-22]. Кроме того, идея искать Фулы непременно вблизи Херсона, как ближайшего к Доросу морского порта, основана на ошибочном понимании и произвольном «дополнении» текста Жития Иоанна Готского. Этот источник не дает ни малейшего повода для вывода о том, что епископ Иоанн после поражения восставших якобы «должен был пытаться бежать к морю», и «во время этого бегства он и был схвачен, скорее всего, недалеко от Фул» (!) [58, с. 72-73]. Согласно Житию, Иоанн «получил возможность спастись бегством», уже находясь под стражей в Фулах, откуда он и «переправился в Амастриду» [21, с. 398]. Сама по себе идея о том, что на территории ближайшей сельскохозяйственной округи Херсона мог возникнуть центр самостоятельной епархии, выглядит исторически совершенно неправдоподобной.

Расположение Фул в Юго-Восточном Крыму впервые обстоятельно доказал

Ю. А. Кулаковский [38, с. 196-202]. Однако в то время этот регион не был изучен археологически, поэтому «единственным известным старым культурным центром», сопоставимым с Фулами, ученый считал Старый Крым. Открытие и раскопки с конца 1920-х гг. городища на плато Тепсень, около Коктебеля, между Феодосией и Судаком (рис. 1), позволило ряду исследователей именно в нем увидеть средневековые Фулы, центр Фульской епархии. Впервые эту версию обосновал В. В. Кропоткин [37, с. 198-202, 212-218]. В дальнейшем его аргументация была поддержана и развита в работах А. И. Айбабина, В. В. Майко и других ученых [3, с. 207; 72, р. 194; 39, с. 133-145; 40, с. 11-17, 250, 284; 62, с. 76-77; 64, с. 426; 28, с. 119-122]. Положения данной версии, основанные, прежде всего, на анализе сведений письменных источников, кратко могут быть сведены к следующему: Фулы – поселение городского типа, христианский епархиальный центр, находились за пределами Готии, в юго-восточной части Крыма, на морском побережье, по соседству с Сугдеей и Кафой, в области, заселенной хотцирами, т.е. носителями крымского варианта салтово-маяцкой культуры. Памятник должен иметь безусловные признаки процесса христианизации местного населения. Данной характеристике в полной мере соответствует именно городище Тепсень.

Поселение занимало, вероятно, всю или большую часть плато, площадь которого составляет около 19,5 га [12, с. 90; 40, с. 46-49]. Археологическими исследованиями на городище в разные годы руководили Н. С. Барсамов (1929-1931 гг.), В. П. Бабенчиков (1949-1954 гг.), М. А. Фронджуло (1954-1963 гг.) и В. В. Майко (1997-2001 гг.) [15; 11; 12; 63; 40, с. 54-55, 89-109]. Раскопками открыто не более 5% территории городища [40, с. 17, 46]. По материальному комплексу большинство современных исследователей относит этот памятник к т.н. крымскому варианту салтово-маяцкой культуры, носителями которой были, главным образом, тюрки-болгары, заселившие значительную часть Крыма в эпоху господства Хазарского каганата [22; 14; 3, с. 190, 201-208; 4, с. 278-279, 296; 51, с. 161-164; 40; 41, с. 428-432]. Именно это население в Житии св. Константина Философа названо «народом фульским», а в упомянутой нотиции де Боора хотцирами.

Согласно материалам археологических раскопок, которые обобщены в специальной монографии В. В. Майко, жизнь на поселении без перерыва продолжалась примерно с середины VIII до середины (второй четверти) X вв. [40, с. 55, 276-277]. В последнее время предпринята попытка пересмотреть верхний хронологический рубеж существования поселения [46, с. 150-152]. По мнению авторов, наиболее поздним материалом на городище являются фрагменты поливной посуды группы GWW I, по Дж. Хейсу¹, полученные при раскопках жилых комплексов на участке «К» в 1998 г. [40, с. 206-209]. Верхнюю границу этих сосудов, а, следовательно, и городища, они определяют временем не позднее последней трети IX в., скорее всего, 70-90-е гг. этого столетия [46, с. 151]. Однако следует заметить, что по хронологии Дж. Хейса

¹ Тип сосудов определен по рисункам, опубликованным в монографии В. В. Майко [40, с. 207, рис. 117].

производство посуды GWW I ограничивается рамками VII – начала IX вв. [77, р. 11-18]. Находки GWW I вместе с монетами 867-886 гг. в слое III (stage III) Большого императорского дворца, которые авторы используют для датировки этой посуды [46, с. 151], Дж. Хейс относит к более ранней фазе, предшествующей слою III [77, р. 18]. Более того, фрагменты этой посуды в качестве ранней примеси встречаются в комплексах Sakaçane с материалом X, XII и XIII вв. (депозиты 37, 49-50, 55, 56, 60) [77, р. 113, 114, 130-149; 57, с. 173-174]². Таким образом, сосуды GWW I не могут быть использованы для определения верхней даты городища Тепсень. Наиболее поздним типом тепсеньской керамики являются высокогорлые кувшины с плоскими ручками (класс 41 по ХК-1995), производство которых датируется широким периодом – со второй половины IX до конца XI – начала XII вв. [54, с. 63]. Однако в открытых слоях другой археологический материал позднее второй четверти – середины X в. не зафиксирован, что заставляет ограничивать время существования городища первой половиной X в. [40, с. 276]. Диссонанс известных археологических данных и документальных источников, свидетельствующих о Фульской епархии как минимум до середины XII в., является практически единственным уязвимым моментом в доказательной базе версии, отождествляющей городище Тепсень с Фулами. В. В. Кропоткин и позже В.В. Майко объяснили это несоответствие тем, что после гибели Фул Фульская епархия продолжала существовать, и ее центр был перенесен на новое место [37, с. 218; 39, с. 144-145]. Следует также еще раз подчеркнуть, что археологически изучено всего лишь 5% территории городища, к тому же далеко не весь материал, особенно из ранних раскопок, обработан должным образом, его значительная часть утрачена. Продолжение раскопок, тщательная фиксация и изучение всего археологического материала должны прояснить эту проблему. Пока же отрицать жизнедеятельность городища, по крайней мере, в первой половине X в. у нас нет оснований.

То, что первоначальный центр Фульской архиепископии мог размещаться на плато Тепсень, подтверждается свидетельствами достаточно активного культового строительства. Несмотря на сравнительно небольшую площадь, открытую раскопками, там выявлены остатки нескольких христианских церквей, притом 4 из них могли существовать одновременно. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос – какая из этих церквей могла быть первым кафедральным храмом Фульской епархии?

От храма 1957 г. (раскопки М. А. Фронджуло) и храма 1998 г. (раскопки В. В. Майко) сохранились лишь отдельные фрагменты кладок [63, с. 102-103, рис. 3; 39, с. 142; 40, с. 272-273, рис. 160, 162]. Вероятно, они представляли собой небольшие однефные сооружения и служили в качестве часовен.

В 1929-1931 гг. Н. С. Барсамов в центральной части городища открыл остатки т.н. Тепсеньского малого храма (12,4x16,4 м) [15, с. 6-8, табл. X]. Однако уже к 1950-м годам весь камень из фундаментов был расхищен [12, с. 94]. Исходя из плана,

² Выражаю благодарность А. В. Смокотиной за консультацию по хронологии GWW I.

оставленного Н. С. Барсамовым, раскопанная им церковь была трехапсидной и, скорее всего, представляла собой сокращенный вариант крестовокупольного храма с двумя свободно стоящими западными опорами [15, табл. X; 12, рис. 10,3].

Особый интерес в связи с поиском кафедрала Фульской епархии представляет культовый комплекс, открытый в 60 м к северу от Тепсеньского малого храма (рис. 2). «Остатки большого древнего храма» открыл Н. С. Барсамов в 1929 г. Несколькими траншеями (по 2 м шириной) тогда раскопали части южной и восточной стен, а также три столба [15, с. 4-5]. В 1950-1954 гг. В. П. Бабенчиков продолжил раскопки на данном участке [7-12]. В рамках внешних стен большого храма зафиксированы строительные остатки нескольких разновременных сооружений. Среди исследователей нет единого мнения по поводу их периодизации и датировки. Не вызвал споров лишь первый строительный период. К нему относят т.н. древнейший (или древний) храм, который по архитектурным остаткам реконструируют в виде базилики с тремя апсидами и тремя нефами и датируют, как правило, VIII в. (рис. 2; 3) [12, с. 110; 67, с. 482; 68, с. 292; 22, с. 99; 40, с. 270].

Бесспорным признается также факт, что после разрушения и разборки древнего храма на каком-то этапе его фундаменты перекрыл т.н. большой храм, который представлял собой трехапсидную базилику с тремя нефами и нартексом (рис. 2). Ее строительство относят к VIII или IX в. [11, с. 110; 12, с. 110; 37, с. 213; 67, с. 482-483; 68, с. 292; 22, с. 100; 23, с. 139; 3, с. 207; 40, с. 270].

Камнем преткновения в установлении единой периодизации культового строительства явилась кладка из саманных кирпичей, сложенных «в елку» без фундамента в центральной апсиде древнего храма (рис. 4). Ее длина, судя по плану, составляла около 2 м, ширина – 0,5 м, в высоту сохранился один ряд кирпичей. Она была «оштукатурена тонким слоем внутри и толстым снаружи» [8, л. 9-10]. Как пишет В. П. Бабенчиков, сырцовая кладка, «на первый взгляд, казалась точно вписанной в центральную апсиду древнейшего храма, и создавалось впечатление, что это ... сырцовый синтрон центральной апсиды» [Там же]. Однако после того, «когда были сделаны точные промеры», оказалось, что оси древнего храма и сырцовой кладки «разошлись» [12, с. 105-106]. В результате был сделан вывод, что сырцовая кладка – это остатки (примерно 2/3) апсиды отдельного храма, который также был сложен из сырцовых кирпичей, обломки которых в большом количестве находили при раскопках. В. П. Бабенчиков высказал предположение, что данный храм имел фахверковые стены в виде деревянного каркаса, заполненного сырцовыми кирпичами. К остаткам такой конструкции он относил «два вертикально поставленных бревна (стояка?)», обнаруженных в канаве, которая могла идти «по ходу южной стены» храма [8, л. 10-11; 12, с. 119]. В отчете о раскопках 1951 г. и в первой публикации о результатах этих раскопок В. П. Бабенчиков сделал вывод о том, что сырцовый храм был сооружен в первой половине X в. после гибели большой базилики и, следовательно, принадлежит третьему строительному периоду [8, л. 11-12; 11, с. 109]. Однако в процессе дальнейших исследований он изменил свое представление о последовательности

застройки и пришел к заключению, что сырцовый храм был временным сооружением между древним храмом и большой базиликой, т.е. принадлежал второму строительному периоду [9, л. 9; 12, с. 105-106].

Следует отметить, что не все исследователи согласились признать в сырцовой кладке остатки отдельного храма. Уже в процессе раскопок А. Л. Якобсон видел в ней синтрон древнего храма, позже характеризовал ее как обкладку его апсиды [8, л. 13; 67, с. 483; 69, с. 40, сн. 89 на с. 160]. Он считал, что единичный фрагмент кладки «не может служить достаточным указанием на особое здание» [68, с. 292]. А. В. Гадло также полагал, что саманная кладка являлась синтроном раннего храма, и ее характер свидетельствует о применении строителями приемов, традиционных для салтовских поселений [22, с. 99]. С. А. Плетнева на данном участке отмечала только два храма: ранний и большую базилику. Кладку из сырцовых кирпичей, выложенных «в елку» в апсиде раннего храма, она отнесла к хазарскому времени и сочла признаком того, что в постройке церкви участвовали хазарские строители [51, с. 162].

Первоначальную периодизацию, предложенную В. П. Бабенчиковым, согласно которой сырцовый храм был последним культовым сооружением на данном участке, т.е. принадлежал третьему строительному периоду, принял И. А. Баранов. По его мнению, «византийская Большая базилика» была разрушена в эпоху завоевания Таврики хазарами, и на ее руинах салтовцы (протоболгары) соорудили храм из сырцового кирпича с характерной кладкой «в елку» [14, с. 133, 137]. Эту относительную хронологию поддержал и уточнил В. В. Майко, датировав строительство «салтовского храма» временем не ранее середины IX в., а разрушение – не позднее 40-х гг. X в. [39, с. 141; 40, с. 270-271]. Согласно данной периодизации, именно сырцовый храм следует связывать с Фульской епархией.

Один из главных аргументов И. А. Баранова в подтверждение отстаиваемой периодизации заключался в том, что, согласно графическим разрезам строительных остатков, открытых В. П. Бабенчиковым³: «основание сырцовой апсиды возвышается над разобранный в древности стеной Большой базилики» [14, с. 136, рис. 53]. Однако следует отметить, что строительные остатки большой базилики, также как и руины многих других сооружений на городище, в значительной степени были разобраны уже в новое время, что неоднократно отмечали Н. С. Барсамов и В. П. Бабенчиков в своих отчетах и публикациях. Этот процесс продолжался и после начала раскопок Н. С. Барсамова. Спустя чуть больше двадцати лет В. П. Бабенчиков перед началом новых раскопок застал следующую картину: «открытые им (Н. С. Барсамовым – *И.З.*) камни были увезены населением для построек, траншеи обвалились, запылились землей, и все место, на котором когда-то стоял храм, представляло собой груды бесформенных холмов, беспорядочно пересеченных рытвинами» [7, л. 2-3]. Также В. П. Бабенчиков констатировал: «когда был выбран весь камень из раз-

³ Впервые эти разрезы, включенные в отчет В. П. Бабенчикова за 1951 г., были опубликованы в монографии И. А. Баранова [14, с. 53, рис. 53].

валин на поверхности, местные жители стали выкапывать его из земли, уничтожая, таким образом, и фундаменты», от которых оставались порой лишь канавы [12, с. 90]. Именно такие канавы остались от южной стены, значительной части южной апсиды и некоторых других частей Большой базилики [7, л. 1-3, 7; 8, л. 4]. В связи с этим, судить о последовательности застройки по уровню сохранившихся кладок в данном случае некорректно.

Материалы неопубликованных отчетов о раскопках тепсеньского комплекса и, прежде всего, зафиксированные в них стратиграфические наблюдения позволяют пересмотреть выводы современных исследователей и более внимательно отнестись ко второй периодизации В. П. Бабенчикова, согласно которой последним храмом комплекса была Большая базилика. Важно еще раз обратить внимание на расположение единственного сохранившегося фрагмента сырцовой кладки в центральной апсиде именно древнего храма, который, как признают все исследователи, впоследствии был перекрыт Большой базиликой. Эта кладка достаточно точно воспроизводит внутренний абрис апсиды, по словам автора отчета, «будто-бы вписана» в нее [8, л. 13]. Следовательно, сырцовая кладка возводилась в момент, когда стена апсиды древнего храма еще была, по крайней мере, возвышалась на достаточную высоту, позволившую строителям «вписать» в нее новый конструктивный элемент.

Несмотря на то, что территория храма в результате изъятия камня была перекопана, на значительной площади его центрального и северного нефов (квадраты XII-XVI, XXV-XXVIII, XXX, XXXI) «сохранился ненарушенный горизонт пола большого храма». Он лежал везде на одном уровне и представлял собой «ровный белый тонкий слой», на котором «ясно отпечатались лежавшие на нем небольшие прямоугольные плиты ... с заделкой швов известью» [8, л. 7-8; 9, л. 4-8]. Над полом хорошо фиксировался слой постепенного разрушения Большой базилики: «куда-лось в немногих не перерытых местах проследить от пола вверх чередование обрушившихся строительных материалов – черепицы, штукатурки, желтого и белого ракушечного камня и остатков дикарного камня (бут), чередующихся с вымываемой из стен глиной, связывавшей камень» [9, л. 8]. Как отмечает В. П. Бабенчиков, пол Большой базилики лежал значительно выше сырцовой кладки [12, с. 106]. Этот пол перекрывал «остатки строительного мусора от разрушения временного храма с сырцовой апсидой и древнего храма» [9, л. 9]. Во время строительства Большой базилики при нивелировке площади нижележащие слои были нарушены, поэтому, как пишет В. П. Бабенчиков, «разграничить эти слои невозможно» [Там же]. Именно в слое под полом верхней базилики зафиксированы остатки сырцовых кирпичей. «В большом количестве остатки сырцовых кирпичей, оштукатуренных и побеленных и со следами росписи на некоторых фрагментах», обнаружены также под основаниями дополнительных опор («столпов»), пристроенных к основным столбам Большой базилики в южном и северном нефках [8, л. 6-7]. Судя по кладке (бутовый камень на извести) и уровню залегания их фундаментов («несколько выше» нижнего уровня стилобатов базилики), эти опоры соорудили на каком-то этапе функционирования

Большой базилики. В любом случае наличие сырцовых кирпичей под их фундаментами, бесспорно, свидетельствует о сооружении базилики поверх слоя разрушения сырцовой конструкции.

В качестве еще одного довода в пользу своей периодизации И. А. Баранов приводил уровень залегания деревянных балок, которые он ошибочно считал остатками фахверковой конструкции сырцового храма. По его мнению, эти балки были «выше основания разобранный стены южного нефа Большого храма» и перекрывали «плитовую могилу византийского горизонта» [14, с. 137]. Речь идет о нескольких «деревянных плахах или бревнах толщиной 0,25 м», которые образовывали «как бы клетки в ширину 1,5х1,4 м и в длину до 2,5 м» [10, л. 19]. Однако, как четко зафиксировано в отчете, данные бревна были обнаружены «под снятой могилой № 10», и «южные концы этих бревен уходили под фундамент Большого храма»⁴ [Там же]. Поскольку бревна были уложены между центральным и южным нефами древней базилики, по линии несохранившегося южного стилобата, В. П. Бабенчиков предположил, что они были чем-то «вроде клетчатого каркаса» под фундамент, «может быть, для более точной нивелировки». Он также не исключал, что данная конструкция могла находиться в нартексе древней базилики и ее «задача была выравнять основание какой-то пристройки в виде купели или хоров» [10, л. 20]. Остатками фахверков, как уже отмечалось, В. П. Бабенчиков считал «два вертикально поставленных бревна», обнаруженных в канаве недалеко от сырцовой кладки, по ходу предполагаемой южной стены «сырцового храма» [8, л. 10; 12, с. 119].

Таким образом, результаты раскопок тепсеньского комплекса не оставляют сомнений в том, что Большая базилика была построена после разрушения древнего храма и сырцовой конструкции. К сожалению, в настоящее время нет археологических данных, точно датирующих строительство древней и Большой базилик. Поскольку на Тепсене не обнаружены сколько-нибудь массовые материалы ранее середины VIII в., именно этот рубеж является нижней хронологической границей культового строительства на городище, а, следовательно, и на этом участке. Однако не исключено, что дальнейшие исследования и новые находки могут изменить данную ситуацию, и в таком случае можно будет согласиться с датировкой строительства древнего храма первой половиной или второй четвертью VIII в., предложенной В. В. Майко [39, с. 143; 40, с. 270].

Большое значение для определения хронологии тепсеньского комплекса имеют золотые монеты середины / второй половины VIII в., обнаруженные в двух грунтовых могилах (12 и 16) на территории западной части центрального нефа Большой базилики. В. П. Бабенчиков грунтовые могилы считал наиболее древними и синхронизировал их с древним храмом [12, с. 110]. И. А. Баранов связывал грунтовые погребения с салтовским сырцовым храмом [14, с. 118]. По мнению В. В. Майко,

⁴ Эти бревна отражены на общем плане раскопок В. П. Бабенчикова в центральном нефе, вблизи южного стилобата Большой базилики [12, рис. 4; 14, рис. 53].

грунтовые могилы, также как и большинство плитовых могил, относятся к Большой базилике [40, с. 175].

Некоторые особенности обряда и конструкции упомянутых могил с монетами свидетельствуют о принадлежности их именно салтово-маяцкой культуре. Так, в могиле № 12 пол был устлан древесным углем; именно в угольной подсыпке под головой погребенного и были найдены золотая византийская монета Константина V (741-751) и золотая куфическая монета, которую раньше определяли как динар 138 г.х. (755/756) [9, л. 14-15; 37, с. 213]. В. А. Сидоренко пересмотрел атрибуцию последней монеты и определил ее как подражание аббасидскому динару Махди 168 г.х. (784/785), произведенному на территории Хазарского каганата, возможно, на Тамани [56, с. 434-436]. Нахождение монеты на Тепсене исследователь связывает с присутствием здесь хазар. В могиле № 16, помимо золотой монеты Константина V (741-751), обнаружены золотые серьги т.н. аланского типа и детали поясного набора, характерные для салтовской культуры второй половины VIII – IX вв., а также кувшин-ойнохоя [9, л. 14-15; 1, с. 229, 233; 40, с. 172-174]. Данная могила была обложена «сырцовыми кирпичами, которые перекрывали и костяк» [9, л. 13-14]. Следовательно, обе могилы можно соотнести с сырцовой кладкой в центральной апсиде древнего храма. Скорее всего, одновременными им были также и другие грунтовые могилы (№№ 13, 14, 15, 19), расположенные в один ряд. Детская могила № 19, обложенная деревянными плахами, обнаружена под плитами южного стилобата Большой базилики [10, л. 20-21].

Таким образом, тепсеньский культовый комплекс сохранил свидетельства, скорее всего, трех основных строительных периодов, которые, как представляется, иллюстрируют определенные этапы в истории городища.

Самым ранним сооружением, как уже отмечалось, была базилика с тремя апсидами и тремя нефами, построенная, вероятно, не ранее середины VIII в. (рис. 3)⁵. Сохранились фундаменты в один ряд кладки от большей части центральной и южной апсид и несколько камней от северной апсиды, а также два небольших фрагмента от южного и северного стилобатов [8, л. 8-9; 9, л. 10-11; 12, с. 103-104]. Поскольку в ходе раскопок колонны не обнаружены, можно предположить, что нефы отделялись рядами столбов, сложенных из камня. Единственная известняковая база колонны, найденная в слое разрушения древнего храма (не *in situ*), по предположению В. П. Бабенчикова, могла принадлежать его порталу [9, л. 11]. Фундаменты были сложены из «мелкого⁶ плотного камня» [9, л. 10]. В отчете не указан связующий раствор в кладке фундамента. Стены могли быть сложены на желтой глине, находившейся в слое разрушения в значительном количестве [10, л. 17]. Западная стена ранней базилики не обнаружена, что затрудняет реконструкцию ее западной части и общей

⁵ Варианты реконструкции плана раннего храма ранее предложили В. П. Бабенчиков [12, с. 109, рис. 10,4] и А. Л. Якобсон [69, с. 41, рис. 11].

⁶ Описание размера камней дано в сравнении с «большими дикарными плитами» Большой базилики.

длины. Но, поскольку слой разрушения ранней церкви отсутствовал в нартексе более поздней Большой базилики [10, л. 17], можно сделать вывод, что западная граница ранней базилики не выходила за рамки наоса Большой базилики. Скорее всего, ранний храм не имел нартекса. Согласно предложенной реконструкции, ширина базилики была 16,5-16,9 м, длина – не менее 16,5 м⁷. Внутренняя ширина центральной апсиды составляла 5,0 м, боковых апсид – по 3,0 м [8, л. 9]. Толщина фундаментов апсид – 0,8 м, стилобатов – 0,75 м [8, л. 8-9]. Судя по соотношению толщины фундаментов и ширине нефов, базилика, скорее всего, была перекрыта деревянными стропилами и черепицей, обломки которой обнаружены в слое разрушения [9, л. 9; 10, л. 17].

По архитектурному типу, размерам и конструктивным особенностям эта базилика очень близка двум храмам, открытым на поселениях VIII-IX вв. в Юго-Западном Крыму, т.е. на территории средневековой Готии: около с. Поворотное, вблизи устья реки Бельбек и около с. Гончарное в Байдарской долине (рис. 1; 5) [52; 53, с. 9-25; 70, с. 125-132]. Оба храма представляют собой трехнефные трехапсидные базилики, без нартекса, со стропильным перекрытием и черепичной крышей. Они сооружены из не крупных подтесанных камней на глине. Толщина стен базилики у с. Поворотное – 0,65-0,7 м, у с. Гончарное – 0,7-0,8 м. Их размеры несколько меньше предполагаемых размеров тепсеньского храма: вблизи с. Гончарное: 11,5x13,6 м, вблизи с. Поворотное: ширина – 14,0 м, длина наоса (без алтарной части) – 12,5 м. Однако основные пропорции всех трех базилик, скорее всего, были достаточно близки. Они имели укороченные наосы, в которых ширина превышала их длину⁸. Полы в храме вблизи с. Гончарное были глинобитными [70, с. 131]. В восточной части центрального нефа базилики около с. Поворотное зафиксированы остатки каменной вымостки [53, рис. 2]. В ходе раскопок этих базилик найдены единичные декоративные архитектурные детали из известняка местного производства. Обе базилики датируются их исследователями в пределах VIII-IX вв. [52, л. 11; 53, с. 18; 70, с. 125, 132]. Поселение около с. Поворотное прекращает свое существование до середины IX в., что подтверждается отсутствием в его слоях высокогорных кувшинов с плоскими ручками (класс 41 по ХК-95) [53, с. 18].

Поселения вблизи сел Поворотное и Гончарное синхронны начальному этапу существования Тепсеньского городища и близки ему по материальному комплексу [70, с. 182-195; 66, с. 27-28; 53, с. 18, 24-25]. Появление этих поселений, также как и некоторых других памятников, открытых в Юго-Западном Крыму, связывают с притоком в Готию носителей салтово-маяцкой культуры [70; 3, с. 211-212]. Сооружение однотипных церквей в Восточном и Юго-Западном Крыму, вероятно, надо связывать с активной византийской политикой христианизации нового местного населе-

⁷ По расчетам В. П. Бабенчикова, предположительные размеры раннего храма – 15,5x17,5 м [12, с. 104].

⁸ Согласно планам базилик, соотношение ширины и длины наоса: вблизи с. Гончарного – 1:0,86, вблизи с. Поворотного – 1:0,88 [70, рис. 80; 53, рис. 2].

ния, расселившегося на территории, подвластной хазарам, отличавшимся достаточной веротерпимостью. И хотя инициатором и учредителем церковной организации в регионе был Константинопольский патриархат, которому подчинялись крымские епархии, строительство храмов здесь велось на средства местных общин местными строителями, скорее всего, из среды в значительной степени византинизированного алано-готского населения. Они были знакомы с византийской церковной архитектурой, поскольку смогли воспроизвести трехапсидную базиликальную конструкцию, хотя и в упрощенном и укороченном виде, а также создать некоторые архитектурные декоративные детали из известняка [52, л. 6-7; 53, с. 13-14]. Скорее всего, рассматриваемые базилики были построены в середине – второй половине VIII в., не исключено, что при епископе Иоанне Готском.

Следующий (второй) период в истории тепсенского комплекса связан с появлением кладки из сырцовых кирпичей, сложенных «в елку», в центральной апсиде древней базилики (рис. 4). Сырцовые сооружения, построенные «в елку», типичны для салтовских (протоболгарских) поселений Хазарского каганата [22, с. 99; 51, с. 162; 3, с. 201-202]. Как уже отмечалось, В. П. Бабенчиков и ряд других исследователей считали эту кладку частью апсиды сырцового храма. Все же следует согласиться с теми, кто отрицал принадлежность этого строительного фрагмента самостоятельному культовому сооружению [68, с. 292; 22, с. 99; 51, с. 162]. Кладка толщиной около 0,5 м из сырцовых кирпичей, сложенных без фундамента на грунте, не может быть остатком апсиды – технологически достаточно сложного конструктивного элемента, способного выдерживать нагрузку полусводчатой конхи. Однако вряд ли сырцовая кладка изначально принадлежала ранней базилике. Нижний горизонт этой кладки на 0,5 м выше остатков фундамента ранней базилики [8, л. 13-14]. Несмотря на то, что сырцовые кирпичи были выложены в соответствии с внутренним контуром древней апсиды, они не примыкали к ней вплотную, что видно на плане и фотографиях раскопок 1951 г. [8; 12, рис. 4,8; 67, рис. 10; 40, рис. 157-158]. Кроме того, зафиксированы остатки штукатурки с обеих сторон сырцовой кладки. Все это свидетельствует о том, что возведение кладки из сырцовых кирпичей составляет отдельный период в истории рассматриваемого комплекса. В. П. Бабенчиков связывал с данной кладкой вымостку из известняковых плит. Одна из них, расположенная в центральной части древней апсиды, имела четыре круглых углубления по углам, что позволило определить ее как подпрестольную плиту [8, л. 10; 40, с. 267]. Со всех сторон она была окружена деревянными плахами, остатки которых зафиксировали во время раскопок. Сосуществование вымостки и сырцовой кладки свидетельствует о культовом характере этих остатков, что подтверждается также фрагментами росписи (красной краской) на штукатурке внутренней части данной кладки [8, л. 9]. По зафиксированным строительным остаткам сложно говорить о том, в каком состоянии находилась ранняя базилика на этапе строительства в ее апсиде сырцовой конструкции. Однако тот факт, что сырцовую кладку встроили в апсиду, свидетельствует о том, что степень сохранности здания ранней базилики позволила его приспособить

к новым потребностям. Перестроенная или адаптированная ранняя церковь, скорее всего, сохранила функции культового сооружения.

Как уже отмечалось, одновременными сырцовой кладке, скорее всего, являются грунтовые могилы, открытые в западной части комплекса. Обнаруженные в них монеты, прежде всего, подражание аббасидскому динару Махди 168 г.х. (784/785) [56, с. 434-436], позволяют говорить о времени их появления. Учитывая, что подражание появилось после оригинала, *terminus post quem* для сырцовой кладки и грунтовых могил можно определить концом VIII – началом IX вв. Их связь с носителями салтово-маяцкой культуры не вызывает сомнения. О христианстве в местной среде в этот период свидетельствует нотиция 3 (де Боора) начала IX в., в 37-й главе которой в числе епископов митрополии Готии упомянут епископ хотциров, находившийся вблизи Фул [20, с. 211-212; 76, р. 245; 3, с. 206-207; 64, с. 402-405]. Большинство исследователей считает, что данный список епископов Готии является лишь проектом создания митрополии, которая должна была включить в себя главные центры Хазарского каганата. В любом случае, как справедливо отмечает К. Цукерман, этот документ несет на себе печать современности [64, с. 414-415; 82, р. 214-215] и, следовательно, может являться свидетельством распространения христианства среди местного населения.

Запустение или частичное разрушение древнего храма, которое, скорее всего, предшествовало появлению сырцовой конструкции, могло произойти в период ослабления здесь византийского влияния. В этой связи, возможно, уместно будет вспомнить о предположении А. В. Гадло о том, что ряд храмов в Восточном Крыму могли оказаться жертвами проявления антихристианских, антивизантийских настроений, охвативших Хазарию на рубеже VIII-IX вв. [23, с. 139-140]. Однако приведенные исследователем факты разрушения в это время храмов у д. Героевка и у д. Пташкино не выглядят убедительными. Так, остатки храма у д. Героевка не обнаружены. Единственная мраморная капитель колонны, найденная там при раскопках, могла происходить из другого места. Храм вблизи д. Пташкино, как отмечает сам автор, не был достроен или же рухнул вскоре после постройки из-за технических просчетов [23, с. 135-136, 139]. Поэтому связывать его разрушение с политическими акциями нет оснований.

Не исключено, что сложившуюся ситуацию можно объяснить в свете византийско-хазарских отношений в этот период. Как отмечает К. Цукерман, Византия во второй половине VIII – начале IX вв. предпринимает ряд мер, направленных на создание атмосферы разрядки в отношениях с Хазарией [64, с. 418-419]. Речь идет, прежде всего, о демонстративном возвышении епархии хазарской Готии на VII Вселенском соборе 787 г. и о ее высоком статусе в нотиции 3, а также об отказе Константинополя поддержать антихазарское восстание в Доросе. Конец VIII – начало IX вв. ученый называет «долгим медовым месяцем между Византией и Хазарией». Вполне возможно, что осознанное ослабление византийского идеологического присутствия в этой части полуострова могло находиться в общем ряду усилий, направленных на

смягчение отношений с Хазарией. В любом случае новый период в истории древнего тепсеньского храма связан со строительной деятельностью только местных жителей (хотциров), без каких-либо признаков византийского участия.

Об ослаблении влияния византийской церкви в IX в. на данной территории свидетельствует существование языческого обряда поклонения дереву «*в народе фульском*», зафиксированное в Пространном Житии Константина Философа. Про то, что народ был христианским, свидетельствует обращение св. Константина: «*Познайте, братья, Бога, сотворившего вас. Вот – Евангелие Нового Завета Божьего, в котором были вы крещены*» [62, с. 56]. На укеры Константина они вначале отвечали, что «*Не теперь мы стали так делать, но (обычай этот) от отцов приняли и благодаря ему исполняются все просьбы наши, а больше всего идут частые дожди*» [62, с. 56]. Константину Философу удалось убедить фульский народ отказаться от обычая отцов: «*Поклонился же их старейшина и подошел поцеловать Евангелие, а за ним и все (остальные)*». После чего дерево было срублено и сожжено, и пошел «*дождь от Бога*» [Там же].

Как уже отмечалось, впервые Фульская епархия отмечена в нотиции 7, которая, согласно уточненной К. Цукерманом датировке, была составлена не ранее лета 920 г. [76, р. 74, 273-274; 64, с. 419-427]. Эта дата основана, прежде всего, на реконструируемой французским ученым хронологии нескольких писем Константинопольского патриарха Николая Мистика. Два из них (68 и 106), по его мнению, отражают процесс создания Фульской архиепископии [64, с. 421-424]. В письме 68 патриарх пишет о прибывших из Хазарии, которые «*просили дать им епископа, чтобы он рукополагал священников среди них и принял бы на себя служение о правой христианской вере*» [варианты перевода письма: 65, с. 60; 17, с. 35; 29, с. 29; 13, с. 356; 59, с. 1487-1494]. В связи с этим он поручил вновь назначенному архиепископу Херсонскому, чтобы он «*отправился в Хазарию и выполнил то, что там требуется, а потом вернулся на ту кафедру, на которую был назначен, а именно в Херсон*» [29, с. 29]. Николай Мистик просит адресата этого письма, скорее всего, стратига Херсона патрикия Иоанна Вогу содействовать Херсонскому архиепископу в этой важной миссии, которая, по расчетам К. Цукермана, началась осенью 914 г. или весной 915 г. [64, с. 424]. Следующее по времени письмо 106 адресовано непосредственно архиепископу Херсона, которого патриарх хвалит за уже предпринятые им усилия в отношении «*заблудшего народа, почти похищенного злым духом из недр благочестия*» [варианты перевода письма: 65, с. 61; 17, с. 36; 29, с. 29; 13, с. 359-360; 59, с. 1480-1486]. Николай также убеждает Херсонского архиепископа продолжать заботы об этом народе и найти для них достойного епископа, которого нужно будет прислать в Константинополь для рукоположения в епископский сан и «*для назначения его пастырем паствы, доселе лишенной пастырского попечения*» [59, с. 1486]. Последнее письмо датируется не ранее конца лета – начала осени 920 г. [64, с. 424].

Поскольку в упомянутых письмах Николая Мистика речь идет о крымской Хазарии и поскольку в это время здесь зафиксировано образование только одной,

Фульской, архиепископии [64, с. 425-427], вывод о том, что в письмах изложена история ее создания, представляется вполне правдоподобным и обоснованным. Описание «заблудшего народа» в письме 106 действительно соответствует отправлявшему языческий обряд «фульскому народу» из Пространного Жития Константина Философа. Факт образования Фульской архиепископии и был зафиксирован в нотиции 7, составленной по инициативе Николая Мистика.

Учитывая то, что в судьбе Фульской епархии и ее архиерея столь деятельное и заботливое участие принимал Константинопольский патриарх, вполне резонно предположить и то, что вопрос о строительстве кафедрального храма – центра новой архиепископии не был обойден его вниманием. Ведь церковное строительство являлось одной из первостепенных забот главы любой епархии, тем более Константинопольского патриарха.

Ко времени образования Фульской епархии, скорее всего, следует относить возведение т.н. Большой базилики Тепсеня, относящейся к третьему строительному периоду в истории рассматриваемого культового комплекса (рис. 6). Размеры Большой базилики составляют 37,5x21,0 м [8, л. 21; 12, с. 106]. Она имела три апсиды, три нефа и нартекс. Фундаменты были сложены из очень крупных плит местного камня (андезита), уложенных в несколько рядов, вероятно, насухо (связующий раствор не зафиксирован). Толщина фундаментов продольных стен 1,25-1,5 м, апсид – до 2,5-3,0 м [7, л. 6, 9; 9, л. 5]. Глубина залегания фундаментов в разных частях здания варьировала и доходила до 1,0 м [7, л. 6; 12, с. 102; 40, с. 257]. Кладки над фундаментами были трехслойными, двухлицевыми и состояли из крупных блоков акмонайского известняка⁹, сложенных на глине [7, л. 5, 7; 9, л. 8]. На стилобатах, разделяющих наос на нефы, сохранились остатки некоторых столбов, сложенных из квадров акмонайского камня. По подсчетам В. П. Бабенчикова, на южном стилобате их могло быть 9¹⁰ [8, л. 5]. Однако, как замечает сам автор, часть квадров явно сдвинута с места, кроме того, расстояние между подразумеваемыми столбами не было одинаковым. На графической реконструкции плана базилики, предложенной В. П. Бабенчиковым, на каждом стилобате по 7 свободно стоящих столбов (рис. 7,а) [12, с. 109, рис. 10,5]. По реконструкции А. Л. Якобсона, на нефы Большую базилику Тепсеня делили два ряда по 4 столба (рис. 7,б) [67, с. 483, рис. 9,2]. Таким образом, вопрос о количестве столбов на стилобатах остается открытым. В боковых нефах к столбам были пристроены дополнительные опоры из бутового камня на извести, которым соответствовали аналогичные столбы-пилястры с внутренней стороны продольных стен базилики [8, л. 6-7; 9, л. 7]. В ходе раскопок обнаружены клиновидные камни от арочных перекрытий¹¹ [7, л. 9; 8, л. 5]. По мнению В. П. Бабенчикова, некоторые камни

⁹ По наблюдениям очевидцев раскопок, все плиты акмонайского известняка были вторичного использования [8, л. 11; 12, с. 101, сн. 36].

¹⁰ На плане по раскопкам В. П. Бабенчикова остатки столбов не выделены.

¹¹ Кирпичей при раскопках не обнаружено [8, л. 6].

могли принадлежать крестово-сводчатому перекрытию [8, л. 5]. Таким образом, ряд конструктивных особенностей здания, а именно мощные стены и стилобаты, столбы и дополнительные пилястры, а также фрагменты арочных конструкций, свидетельствуют о том, что Тепсеньская большая базилика была перекрыта каменными сводами. Это подтверждает также соотношение толщины стен к пролетам нефов: боковых – 1:1,6 и центрального – 1:4¹² [по плану: 12, рис. 4]. Стены базилики были оштукатурены, а в некоторых частях здания расписаны [7, л. 14]. Полы выстланы «небольшими прямоугольные плиты»¹³ с заделкой швов известью» [8, л. 7-8; 9, л. 4-8]. В ходе раскопок найдены некоторые фрагменты архитектурных деталей из известняка, которые, скорее всего, принадлежали этой базилике [12, с. 119-121, рис. 16; 40, с. 262-265].

Как отмечал В. П. Бабенчиков, «для постройки такого большого храма, несомненно, требовались большие средства и достаточно квалифицированные силы» [8, л. 21]. Однако, поскольку он не видел на поселении никаких «следов греко-византийского влияния», он сделал вывод о том, что базилику построили местные мастера [Там же; 12, с. 106-110]. Не только В. П. Бабенчиков, но и другие исследователи не находили аналогий Тепсеньской большой базилике за пределами Крыма. В качестве наиболее близкой архитектурной параллели обоим тепсеньским базиликам (как большой, так и ранней) отмечали, прежде всего, Партенитскую базилику, которую датировали второй половиной VIII в., реже упоминали Эски-Керменскую базилику [12, с. 108-110; 37, с. 218, сн. 38; 22, с. 99; 23, с. 138; 68, с. 292; 69, с. 160, сн. 89; 63, с. 42]. Однако эти базилики ни по размерам, ни по архитектурному типу не могут быть сопоставлены с рассматриваемой церковью. Базилики в Партените и на Эски-Кермене были значительно меньше и, без сомнения, стропильными, а не сводчатыми. Изначально ранневизантийская Эски-Керменская базилика, построенная в VI в. [2, с. 45], имела одну апсиду. Ее трехапсидный алтарь является результатом поздней перестройки, вероятно, в XI в. [50, с. 50-57]. Скорее всего, боковые апсиды Партенитской базилики также не были изначальными [27, с. 303-304].

Большая базилика Тепсенья – единственная исследованная базилика в Крыму¹⁴. Она являлась одним из крупнейших храмов средневекового Крыма и уступала лишь трем ранневизантийским базиликам Херсонеса: Уваровской, Базилике на холме и Западной базилике, причем разница между ней и двумя последними незначительная¹⁵. Среди крымских церквей IX-X вв. она была самой монументальной. Столь

¹² В стропильных базиликах Херсонеса соотношение толщины стен к пролетам боковых нефов – 1:3-4, центрального нефа – 1:9-12.

¹³ Размеры плит в отчетах не указаны.

¹⁴ Трехнефный, трехапсидный храм открыт также на горе Бойка. О.И. Домбровский предположил, что он был перекрыт сводами [Домбровский О.И. Средневековые памятники Бойки// Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968, с.89]. Однако храм остался недоследованным. Его план и описание отсутствуют.

¹⁵ Размеры базилик Херсонеса: Уваровская – 47,2х22,4 м без экзонартекса, Западная – 39,0х20,8 м без портика, Базилика на холме – 38,0х22,5 м [75, р. 17-19 с библиографией].

масштабное строительство, безусловно, являлось экстраординарным событием и могло быть организовано и осуществлено, скорее всего, лишь при поддержке Константинопольского патриархата и, безусловно, при участии квалифицированных мастеров. Следует отметить, что в самой столице в постиконоборческий период строили, как правило, сравнительно небольшие крестово-купольные храмы [79, р. 354-369; 71, с. 8-13; 34, с. 64-76; 35, с. 37-76; 49, с. 19-51]. В обществе, в котором христианство господствовало уже несколько веков, богослужение приобретало все более частный, замкнутый характер, что привело к преобладанию малых церквей для небольших групп прихожан [49, с. 21-22]. Тем не менее, базилики продолжали строить в ряде византийских провинций. Приверженность традициям базиликального строительства на территории византийских областей в средневизантийский период Р. Краутхаймер считал проявлением провинциального консерватизма, «выражением народной оппозиции» по отношению к сложной столичной архитектуре [79, р. 336]. Остатки многочисленных базилик, разных по размерам, формам, типам, строительной технике и декорации, сохранились, прежде всего, на территории Греции. Их краткое описание и анализ включены в новейшую монографию М. Олтриппа¹⁶ [73]. Подавляющее большинство греческих средневизантийских базилик представляло собой сравнительно небольшие сооружения, скорее всего, перекрытые деревянными стропильными крышами. Практика строительства базиликальных церквей сохранялась и в Малой Азии. Примерами могут служить две сводчатые базилики: св. Анны и Нахип джами (Nakhip djami) в Трапезунде, которые также были весьма скромных размеров¹⁷ [80, р. 443-445; 81, р. 23].

Потребность в просторных церквях, способных объединить всю общину, возникла, главным образом, в регионах, где шел процесс массовой христианизации, и церковные сооружения выполняли там также миссионерскую функцию [78, р. 173-185; 25, с. 72; 32, с. 512]. Ярким примером может служить церковное строительство Первого Болгарского царства, в котором христианство утвердилось как государственная религия с 865 г. при царе Борисе I (Михаиле) (852-889). Наиболее распространенным типом христианских церквей и, прежде всего, кафедральных соборов там стала именно базилика, организация пространства которой функционально и символично наиболее соответствовала первоначальному этапу распространения христианства [36, с. 161-164]. Базиликальное строительство на болгарских землях связывают с возрождением традиций ранневизантийского зодчества [25, с. 73; 79, р. 336]. Письменные источники приписывают Борису-Михаилу возведение семи соборов. К их числу принадлежит кафедральная церковь болгарской архиепископии, т.н. Большая базилика в Плиске, первой столице Болгарского царства.

¹⁶ Выражаю благодарность А. Ю. Виноградову, указавшему мне на данную работу.

¹⁷ Внутренние размеры церкви св. Анны: 5,95x9,76 м; Nakhip djami: 6,58x9,88 м. Нартексы обеих церквей не сохранились. В качестве разделительных опор служили колонны [80, fig. 17, 18].

Длина ее наоса составляла более 40 м, ширина – 29,5 м (общая длина с атриумом 99 м) [43, с. 391-392; 44, с. 82-83; 24, с. 68-78]. В Плиске было сооружено также несколько небольших, очень схожих между собой (т.н. типовых) базилик; как и Большая базилика, они имели стропильное перекрытие [43, с. 391-393; 44, с. 83-86; 25, с. 63-70; 42, с. 38-40; 30, с. 213-217].

Более близкие аналогии Тепсеньской большой базилике находятся в Преславе, второй болгарской столице (893-972). Среди них Владетельская церковь (42,1x21,1 м), Дворцовая церковь (32x16 м), базилики в местности Гебе клисе (32x20 м), Сакалова могила (31,8x20,7 м) и Стамбол йолу (рис. 8) [44, с. 86; 48, с. 256-261; 61, с. 40-85; 18, с. 30-39; 19, с. 185-191; 31, с. 229-232]. Болгарские исследователи возведение преславских церквей связывают со строительной деятельностью Бориса-Михаила и относят к эпохе латинской (папской) миссии в 866-870 гг., на основании некоторых конструктивных и плановых черт (например, массивные пилястры Дворцовой церкви), присущих западной архитектуре [48, с. 260; 61, с. 79; 19, с. 185]. Однако, как представляется, нельзя исключать, что хотя бы некоторые из упомянутых церквей были построены после того, как Преслав стал болгарской столицей при царе Симеоне в 893 г. К числу близких аналогий тепсеньской церкви принадлежит также т.н. Патриаршая базилика в Дуросторуме (25,4x14,7 м), первый кафедральный храм Дуросторумской епархии [5, с. 12-18; 26, с. 125-136]. По мнению Г. Атанасова, эту базилику построили при первом епископе Дуросторума Николае (с 870 г.) [6, с. 104-113]. Некоторые исследователи включают ее в список соборов, возведенных Борисом-Михаилом [26, с. 125]. В первой половине X в., когда базилика стала резиденцией болгарского патриарха, ее перестроили в купольную церковь [26, с. 135-136].

Все эти базилики изначально имели три апсиды, три нефа, перекрытых сводами, и один одночастный нартекс. На основании общих черт С. Дончева объединяет их в самостоятельную группу [26, с. 126-128]. Именно к этому кругу болгарских церквей следует причислить и Тепсеньскую большую базилику. Ее размеры сопоставимы с размерами Владетельской базилики, главной церковью средневекового Преслава и самой крупной из приведенных болгарских аналогий. Они имели одинаковую ширину, но Владетельская базилика была длиннее, главным образом, из-за сильно вытянутой апсиды. По общим пропорциям плана и соотношению отдельных частей, прежде всего наоса, наиболее близкими Тепсеньской базилике являются Владетельская базилика, а также Дворцовая церковь Преслава.

Таким образом, уникальность Тепсеньской большой базилики в христианском культовом строительстве Крыма IX-X вв. и, прежде всего, ее размеры со всей очевидностью свидетельствуют о том, что она не могла быть обычной приходской церковью, а являлась кафедральным храмом. Относительная хронология строительства на участке тепсеньского культового комплекса, а также время образования Фульской архиепископии позволяют утверждать, что Большая базилика Тепсень, скорее всего, была кафедральным храмом вновь образованной Фульской епархии. Следовательно, она была построена в 20-е годы X в. Поскольку организатором но-

вой крымской епархии являлся Константинопольский патриарх Николай Мистик, можно предположить, что он же инициировал и, возможно, финансировал возведение главного епархиального храма. Базиликальная архитектурно-планировочная композиция, наиболее приемлемая на этапе становления молодой церковной организации, скорее всего, была заимствована из Болгарии, немногим ранее пережившей процесс утверждения христианства в качестве государственной религии. На основании ближайших архитектурных аналогий можно предположить, что Тепсеньская большая базилика могла быть построена при участии мастеров из столичного Преслава.

Исследование Тепсеньской большой базилики еще не завершено. Раскопки окружающей ее территории не проводились, и это дает надежду на будущее открытие свидетельств существования целого архиепископального комплекса. Одновременно с Большой базиликой на городище могли функционировать три другие небольшие церкви, остатки которых раскопаны в разных местах плато. Нельзя исключать вероятность, что в дальнейшем будут открыты новые культовые постройки. Все это свидетельствует о том, что городище на плато Тепсень не было рядовым христианским поселением, и, скорее всего, представляло собой центр епархии – Фульской архиепископии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айбабин А. И.* Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. № 1.
2. *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
3. *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
4. *Айбабин А. И.* Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII.
5. *Ангелова С.* Разкопките на църква № 2. Археологическо проучване на Дръстър (14 години по-късно) // Добруджа. 2002. 20.
6. *Атанасов Г.* Епископ Николай и формирането на Доростолската (Дръстърската) епархия през 870 година // Християнската култура в средновековна България. Материали от Национална научна конференция, Шумен 2-4 мая 2007 година по случай 1100 години от смъртта на св. княз Борис-Михаил (ок. 835-907). Велико Търново, 2008.
7. *Бабенчиков В. П.* Раскопки у с. Планерское (б. Коктебель) в 1950 г. Коктебельского отряда Сектора истории и археологии КФ АН СССР и краеведческих музеев Крыма. Отчет // Архив ИА РАН. Д. 500.
8. *Бабенчиков В. П.* Отчет о раскопках средневекового поселения у с. Планерское, б. Коктебель в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 617.
9. *Бабенчиков В. П.* Отчет о работах Коктебельского отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР, проведенных совместно с Украинской Академией архитектуры и Областным краеведческим музеем на средневековом поселении близ с. Планерское (б. Коктебель) в 1952 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 725.
10. *Бабенчиков В. П.* Отчет о раскопчных и разведочных работах Коктебельского отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР в 1953 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 908.

11. *Бабенчиков В. П.* Средневековое поселение близ села Планерское (Раскопки 1949-1951 годов) // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX.
12. *Бабенчиков В. П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
13. *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
14. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
15. *Барсамов Н. С.* Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле. 1929-1931 гг. Феодосия, 1932.
16. *Бертъе-Делагард А. Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57.
17. *Богданова Н. М.* Церковь Херсона в X-XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
18. *Ваклинова М., Щерева И., Горянова С., Манолова-Войнова М., Димитров П.* Владетельската църква на Велики Преслав // Археология. София, 2003. Год. XLIV. Кн. 4.
19. *Ваклинова М., Щерева И.* Княз Борис I и Владетельската църква на Велики Преслав // Християнската култура в средновековна България. Материали от Национална научна конференция, Шумен 2-4 мая 2007 година по случай 1100 години от смъртта на св. княз Борис-Михаил (ок. 835-907). Велико Търново, 2008.
20. *Васильев А. А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Т. V.
21. *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2.
22. *Гадло А. В.* О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерского // Археологический сборник. Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. Л., 1964.
23. *Гадло А. В.* К истории Восточной Таврики VIII-X вв. // АДСВ. 1980. Вып. 17. Античные традиции и византийские реалии.
24. *Георгиев П.* За първоначалното седалище на Българската архиепископия // Средневековна България и Черноморието (Сборник доклади от научната конференция). Варна, 1980.
25. *Георгиев П.* Церковное строительство в Болгарии во второй половине IX в. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III. Вып. 2а. Секция VI.
26. *Дончева С.* Патриаршеската базилика в Дръстър – обемно-пространствена реконструкция // Изследвания в чест на Стефан Бояджиев. София, 2011.
27. *Завадская И. А.* О строительных периодах храма свв. Апостолов Петра и Павла в Партените // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
28. *Завадская И. А.* Периодизация культового строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии) // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012.
29. *Иванов С. А.* Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г. Г. Литаврина.
30. *Иванов С.* Църковните градежи в Плиска (предварителни бележки) // Християнската култура в средновековна България. Материали от Национална научна конференция, Шумен 2-4 мая 2007 година по случай 1100 години от смъртта на св. княз Борис-Михаил (ок. 835-907). Велико Търново, 2008.

31. *Иванова В.* Проучване на църквата Гебе-клисе // *Годишник на Народния музей.* София, 1933. Кн. 5 (1926-1931).
32. *Иоаннисян О. М., Ивакин О. М.* О происхождении мастеров Десятинной церкви: Константинополь или Балканы (к вопросу о начальном этапе развития монументального зодчества на Руси) // *ТГЭ.* СПб., 2010. Т. LI: Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти А. В. Банк.
33. *Иоаннисян О. М.* О роли архитектуры Первого Болгарского царства в становлении древнерусского зодчества (конец X в.) // *ТГЭ.* СПб., 2011. Т. 57: Балканский сборник.
34. *Комеч А. И.* Храм на четырех колоннах и его значение в истории византийской архитектуры // *Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура.* М., 1973.
35. *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII вв. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.
36. *Корач В.* Два типа кафедральных соборов XI в. в областях, культурно связанных с Византией // *Средневековая Русь.* М., 1976.
37. *Кропоткин В. В.* Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // *СА.* 1958. Т. XXVIII.
38. *Кулаковский Ю.* К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке. Где находились Фуллы? // *ЖМНП.* 1898. Февраль.
39. *Майко В. В.* О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике // *Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии.* Киев, 2002.
40. *Майко В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004.
41. *Майко В. В.* Юго-Восточный Крым VIII-XI вв. Два примера провинциально-византийской культуры // *ТГЭ.* СПб., 2010. Вып. LI: Византия в контексте мировой культуры.
42. *Михайлов С.* По вопросу за седемте съборни храма на княз Борис // *Археология.* София, 1992. Кн. 2.
43. *Миятев К.* Архитектура эпохи Первого Болгарского царства // *Всеобщая история архитектуры:* в 12 т. Л.; М., 1966. Т. 3.
44. *Миятев К.* Архитектура эпохи Первого Болгарского царства (ранний феодализм) // *Краткая история болгарской архитектуры.* София, 1969.
45. *Могаричев Ю. М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
46. *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.
47. *Мыц В. Л.* О локализации Фулл и Фулльской епархии // *Церковная археология Южной Руси.* Симферополь, 2002.
48. *Овчаров Д.* Дворцовая церковь в Преславе и некоторые особенности болгарских раннесредневековых базилик // *Древности славян и Руси.* М., 1988.
49. *Оустерхаут Р.* Византийские строители. Киев; М., 2005.
50. *Паршина Е. А.* Эски-Керменская базилика // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму.* Киев, 1988.
51. *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.
52. *Романчук А. И.* Отчет о раскопках сельского поселения у пос. Заря Свободы в 1974 г. (низовье реки Бельбек) // *НА НЗХТ.* Д. 1723.

53. Романчук А. И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. 1976. Вып. 13.
54. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
55. Савеля О. Я. Средневековое Загайтанское поселение в нижнем течении реки Черной в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Тезисы докладов Международной конференции 21-27 сентября 1994 г. Симферополь, 1994.
56. Сидоренко В. А. Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
57. Смокотина А. В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
58. Сорочан С. Б. «Зачарованный клад». Еще раз о локализации Фул (Фулл) // АДСВ. 2002. Вып. 33.
59. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв. Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005.
60. Тотев Т. Базилика при Сакалова могила в Преслав // Преслав. София, 1976. № 2.
61. Тотев Т. Велики Преслав. Варна, 1993.
62. Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. Изд. 2-е. СПб., 2000. (Славянская библиотека. Bibliotheca slavica).
63. Фронджуло М. А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957-1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
64. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum* // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.
65. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. III.
66. Щербакова В. С. Раскопки хозяйственных комплексов у поселка Заря Свободы на трассе строительства шоссе Симферополь – Севастополь // АДСВ. 1976. Вып. 13.
67. Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. № 85.
68. Якобсон А. Л. Рец. на: История и археология средневекового Крыма. Отв. ред. А. П. Смирнов. М., 1958 // СА. 1961. № 2.
69. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
70. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
71. Якобсон А. Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX-XV вв. Византия. Греция. Южнославянские страны. Русь. Закавказье. Л., 1987.
72. Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte der Krim in bizyantinischer Zeit // Monographien der RömischeGermanischen Zentralmuzeums. Mainz, 2011. Band 98.
73. Altripp M. Die Basilika in Byzanz. Gestalt, Ausstattung und Funktion sowie das Verhältnis zur Kreuzkuppelkirche // Millennium Studies in the culture and history of the first millennium C.E. Berlin; Boston, 2013. Band 42.
74. Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. C. Zuckerman (Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 25). Paris, 2006.

75. *Buchwald H., Zavadskaya I.* Early Christian Basilicas in Crimea and their Numeric Proportions // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII.
76. *Darrouzès J.* Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
77. *Hayes J. W.* The Pottery // Excavations at Saraçhane in Istanbul. Princeton, 1992. Vol. 2.
78. *Korać V.* Sur les basiliques médiévales de Macedoine et de Serbie // Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines, Ochride 10-16 septembre 1961. Vol. 3. Beograd, 1964.
79. *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. New Haven, London: Yale Univ. Press, 1986.
80. *Millet G.* Les Monastères et les Églises de Trébizonde // BCH. Nendeln; Lichtestein, 1969. 19.
81. *Millet G., Talbot Rice D.* Byzantine Painting at Trebizond. London, 1936.
82. *Zuckerman C.* Byzantium's Pontic Policy in the Notitia Episcopatum // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. C. Zuckerman (Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 25). Paris, 2006.

Завадская И. А.

**Периодизация церковного строительства на городище Тепсень
(о кафедральном храме Фульской епархии)**

Резюме

Несколько разнородных письменных источников упоминают Фулы, которые находились в Крыму. Локализация Фул на плато Тепсень, около поселка Коктебель, между Феодосией и Судакком, является наиболее обоснованной. Там расположены остатки сравнительно крупного поселения (19,5 га), которое существовало с середины VIII до середины X вв. Исследователи относят этот памятник к т.н. крымскому варианту салтово-маяцкой культуры, созданной, главным образом, тюрками-болгарами, заселившими значительную часть Крыма в эпоху господства Хазарского каганата. В Житии Константина Философа они названы «народом фульским», в нотиции 3 – хотцирами.

На поселении открыты остатки нескольких церквей. В центральной части плато в 1950-х гг. раскопан большой церковный комплекс, который включает остатки нескольких разновременных сооружений. Анализ стратиграфических данных позволяет уточнить историю церковного строительства на этом участке.

Самым ранним сооружением была трехапсидная базилика с тремя нефами, без нартекса, построенная, вероятно, не ранее середины VIII в. (первый строительный период). По архитектурному типу, размерам и конструктивным особенностям эта базилика аналогична двум храмам, открытым на салтово-маяцких поселениях VIII-IX вв. около сел Поворотное и Гончарное в Юго-Западном Крыму (на территории средневековой Готии). Сооружение однотипных церквей в Восточном и Юго-Западном Крыму, вероятно, является результатом активной византийской политики христианизации нового местного населения, расселившегося на территории, подвластной хазарам, отличавшимся достаточной веротерпимостью.

Кладка из сырцовых кирпичей в центральной апсиде древней базилики принадлежала второму строительному периоду. Скорее всего, сырцовая кладка является свидетельством перестройки ранней базилики местными строителями (хотцирами) не ранее конца VIII – на-

чала IX вв. В IX в. идеологическое влияние Византии в этом регионе ослабевает. Об этом свидетельствует Житие Константина Философа, которое повествует о «народе фульском», который был христианским, но поклонялся большому дубу, срощемуся с черешней.

К третьему строительному периоду в истории комплекса принадлежит Большая базилика (37,5x21,0 м) с тремя апсидами, тремя нефами и нартексом, перекрытая сводами. Большая базилика Тепсеня является единственной, уникальной сводчатой базиликой и самой монументальной церковью в Крыму в IX-X вв. Скорее всего, именно эта базилика была первой кафедральной церковью Фульской епархии, которая, согласно выводу К. Цукермана, была образована при активном участии патриарха Николая Мистика и архиепископа Херсона. Впервые Фульская архиепископия упомянута в нотиции 7, созданной при Николае Мистике не ранее конца лета 920 г.

Аналогии Тепсенской большой базилике находятся в Преславе, прежде всего, это – Владетельская и Дворцовая церкви, ближайшие по общим пропорциям плана и соотношению отдельных элементов, главным образом, наоса. Таким образом, Большая базилика Тепсеня была построена, скорее всего, при участии мастеров из столичного Преслава.

Zavadskaya I.A.

Periodization of the Church Building on Tepsen Settlement (On the First Cathedral of Fuly's Diocese)

Summary

Several different written sources mention Fuly and Fuly diocese which were in Crimea. Most likely Fuly was situated on Tepsen plateau near the village of Koktebel, between Feodosia and Sudak. The remains of a relatively large settlement (about 19.5 ha), which existed continuously from about the mid-8th century until the mid-10th century are situated there. The researchers identify this settlement with the Crimean variant of the Saltovo-Majaki culture which was created by mainly the Turks-Bulgarians in the epoch of Khazar Khaganate. The *Life of Constantine the Philosopher* named them as the "Fuly people" and the *Notitia 3* – "Khotziroi" (the Khotzirs).

The ruins of the several Christian churches were revealed in the settlement. In the central part of the plateau the big church complex were excavated in the 1950s. It included the building remains of the some cult structures dating back to different times. Analysis of stratigraphic data helps to clarify the history of church construction on this site.

A basilica with a nave, two aisles and three apses, without narthex erected probably in the middle of the 8th century was the earliest church (the first construction period). This basilica by its architectural type, dimensions and constructional features had analogies with two churches excavated on the Saltovo-Mayatzki settlements near the villages Povorotnoe and Goncharnoe in South-Western Crimea (on the territory of medieval Gothia). Construction of similar churches in Eastern and South-Western Crimea was the result of an active Byzantine policy of Christianization of new population settled in the territory dependent on the Khazars who were tolerant enough.

Masonry of mudbricks built in the central apse of the early basilica belongs to the second construction period. Most likely, this masonry is evidence of the reconstruction of the early basilica by local builders (Khotzirs) not earlier the end of the 8th – the beginning of the 9th century. In

the 9th century ideological influence of the Byzantine Empire weakened in the region. One of the evidences is the *Life of Constantine the Philosopher* which narrates about the “Fuly people” who were Christian, but worshiped a big oak conjoined with a cherry tree.

The Tepsen large basilica (37.5x21.0 m) represents the third construction period in the history of the complex. It had three apses, a nave and two aisles covered by vaults and one narthex. It was the largest one among the Crimean churches dated back to the 9th–10th centuries. This basilica was most likely the first Cathedral of the Fuly diocese which according K. Zuckerman’s conclusion was established with the active participation of the Patriarch Nicholas Mystikos and Archbishop of Cherson. For the first time the Fuly archdiocese was recorded in the *Notitia 7* of Patriarch Nicholas Mystikos which was made not earlier than the end of the summer of 920.

The analogies of the Tepsen large basilica are in Preslav, first of all the Ruler’s church and the Palace church which are closest to the Tepsen large basilica by the general proportions of the plan and the ratio of some elements, especially of the naos. So, the Tepsen large basilica was built most likely with participation of masters from metropolitan Preslav.

Рис. 1. Крым.

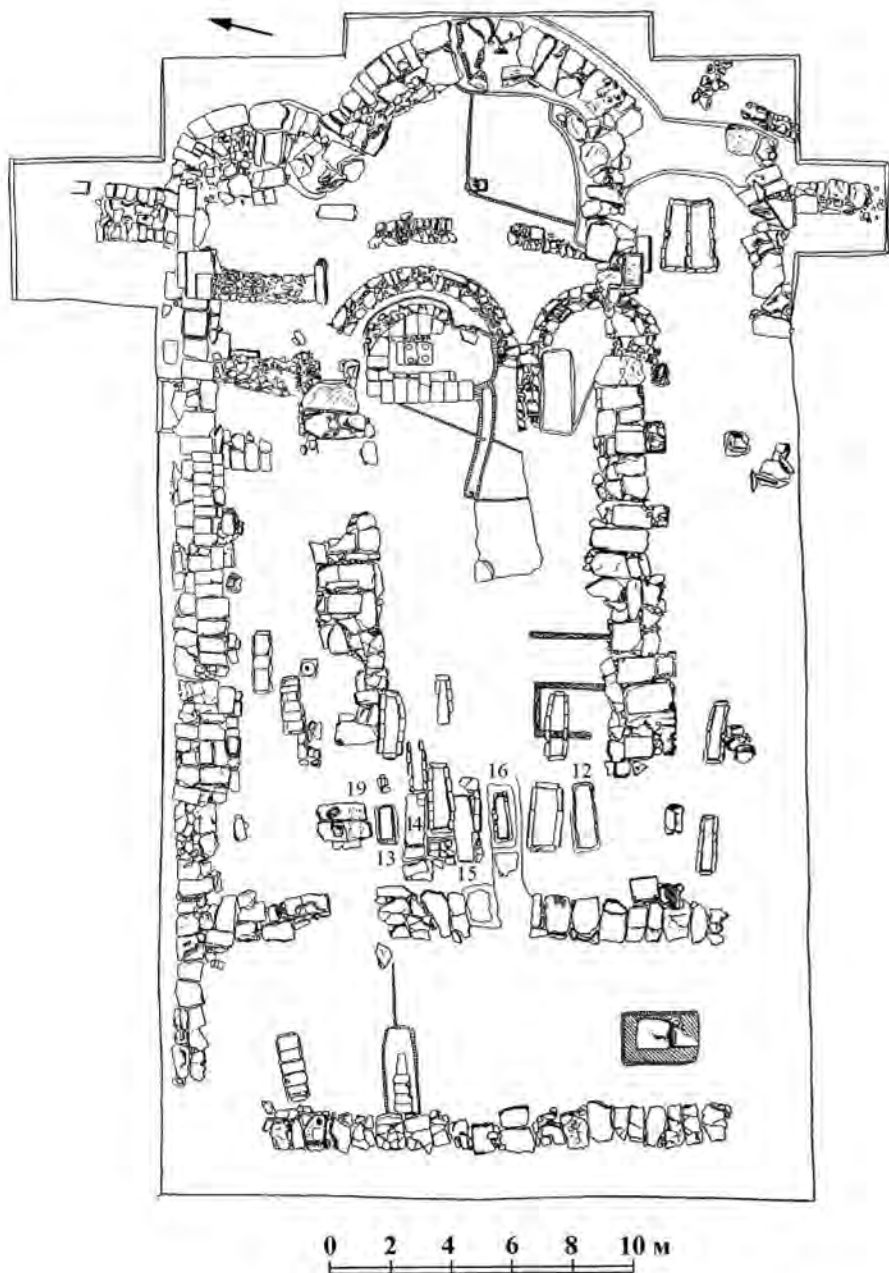

Рис. 2. План большого культового комплекса на плато Тепсе́нь [12, рис. 4].

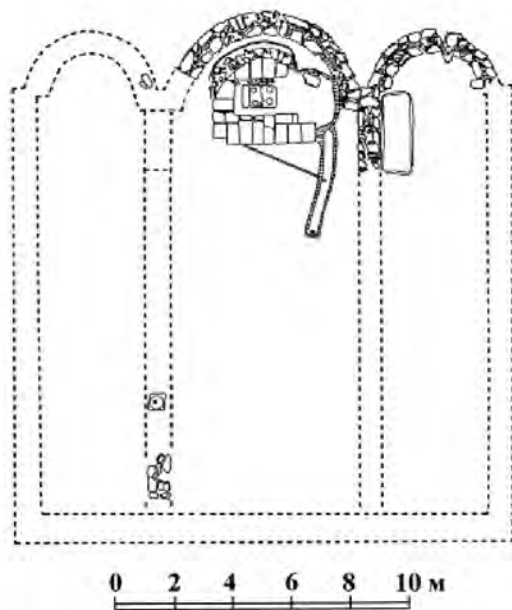

Рис. 3. План-реконструкция ранней базилики культового комплекса на плато Тепсень [на основе плана: 12, рис. 4].

Рис. 4. Сырцовая кладка в центральной апсиде ранней базилики [40, с. 266, рис. 158].

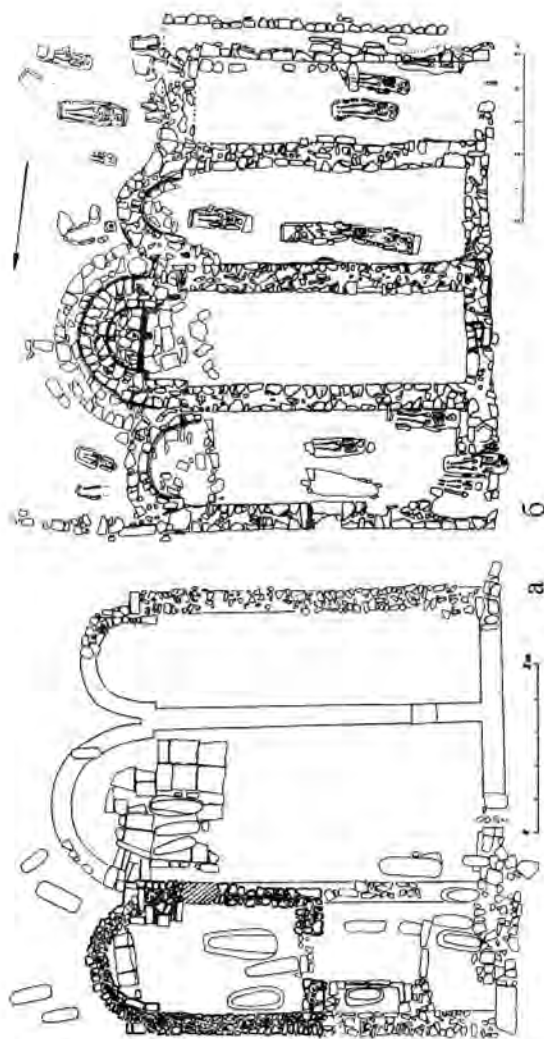

Рис. 5. Базилики Юго-Западного Крыма:

а – около с. Поворотное [53, с. 11, рис. 2], б – около с. Гончарное [70, с. 127, рис. 80].

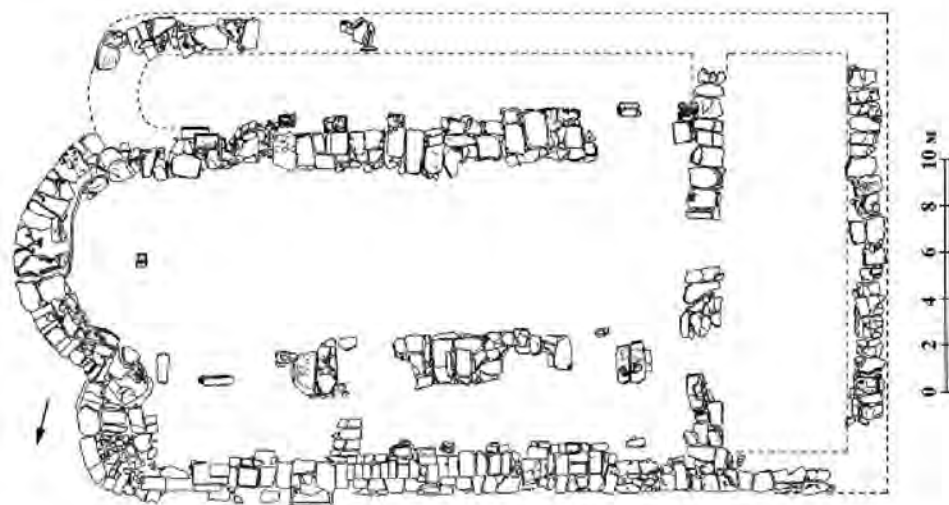

Рис. 6. Большая базилика Тепсены [на основе плана: 12, рис. 4].

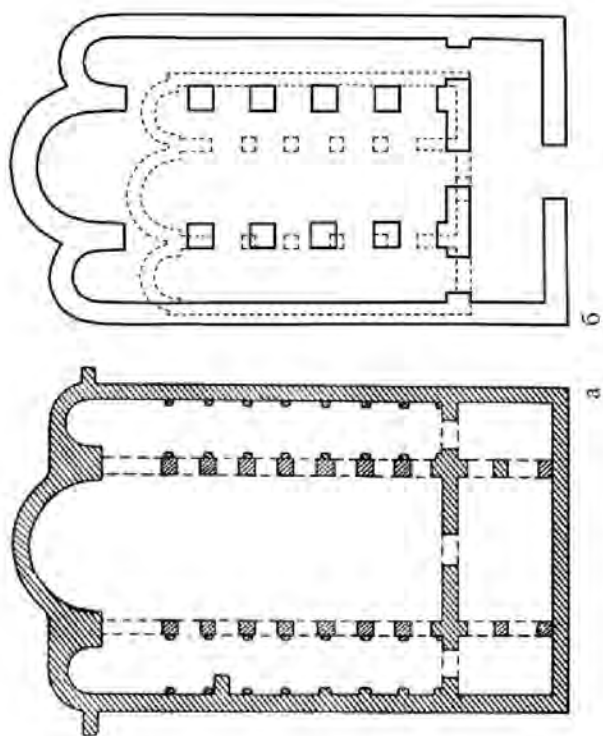

Рис. 7. Реконструкция плана Большой базилики Тепсены: а — по В. П. Бабенчикову [12, с. 109, рис. 10,5], б — по А. Л. Якобсону [67, с. 483, рис. 9,2].

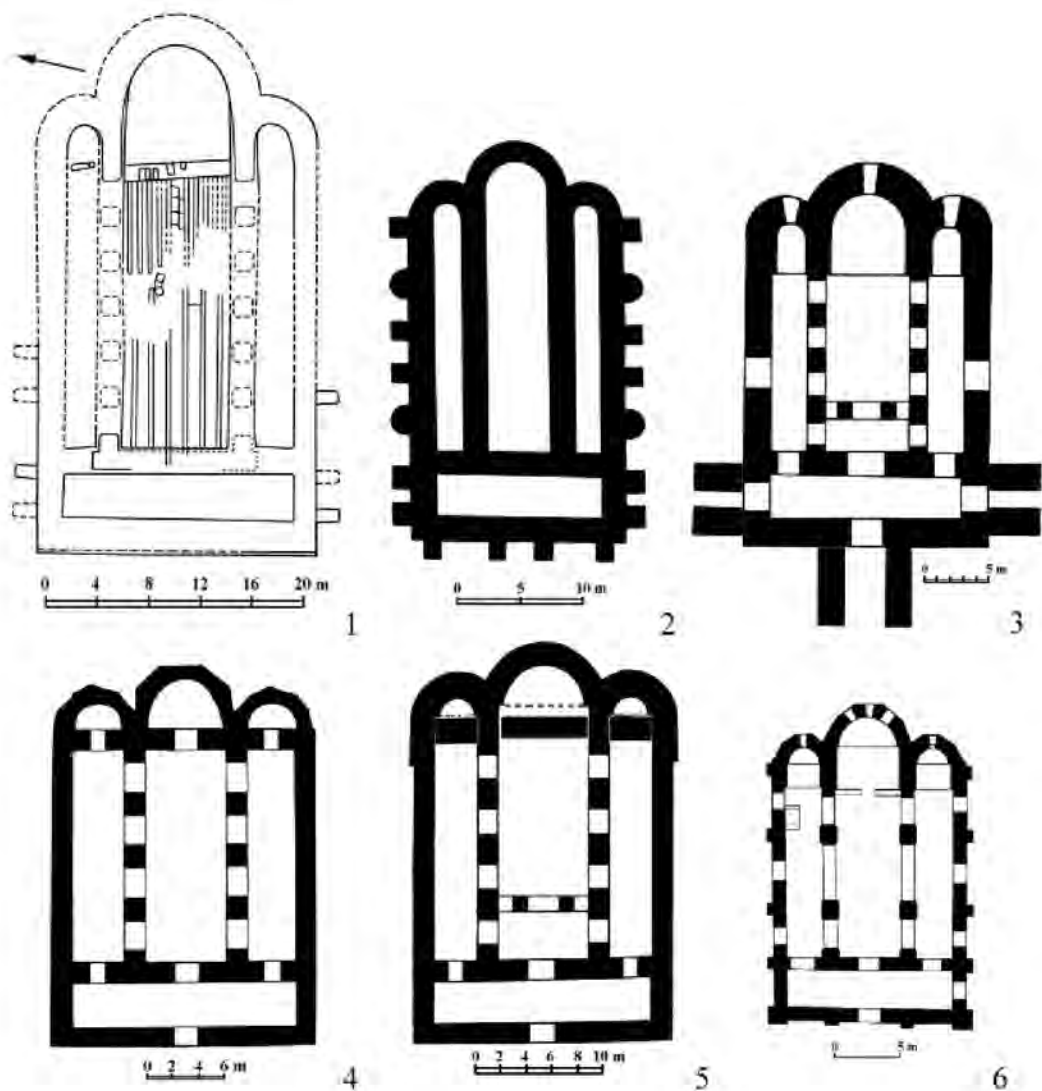

Рис. 8. Базилики Болгарии. Преслав:

1 – Владетельская церковь [18, с. 32, рис. 2], 2 – Дворцовая церковь [25, рис. 8], 3 – Гебе клисе [26, с. 130, рис. 5], 4 – Стамбол йолу [61, с. 85, рис. 67], 5 – Сакалова могила [26, с. 128, рис. 3]; Дуросторум; 6 – Патриаршая базилика [26, с. 132, рис. 6].